

Верность ловеласа

В детстве, бывая в доме бабушки и дедушки, мне позволяли иногда заходить в так называемую летнюю комнату. Это было не отапливаемое помещение, пристрой к основному дому, где хранилось много старых вещей. Мое внимание всегда привлекали книги, которые ровными стопками были сложены в этой комнате на старой резной этажерке. Книги были старинные, с необычным шрифтом, в кожаных переплетах. Они были совсем непохожи на те книжки, которые я брал в сельской или школьной библиотеках. Как-то раз вернувшись домой от бабушки и дедушки, я спросил отца: что за книги лежат в летней комнате? Отец, немного подумав и закурив самокрутку, рассказал мне историю о родственнике, которому мой отец приходился внучатым племянником, - Дмитрие Павловиче.

Дмитрий был старшим из трех сыновей у Павла Ивановича Подольского и ему надлежало унаследовать основное поместье зажиточного отца – крестьянина, но Дмитрий не захотел оставаться в своей деревне, и когда ему исполнилось 14 лет, вместе с заезжими купцами отправился в Санкт-Петербург. Дело было в конце 80-х годов 19 века. Трудно сказать почему, но Павел Иванович, известный в округе своими патриархальными взглядами, отпустил старшего сына попытать счастья на чужой стороне. Более того, он сумел дать Дмитрию тот уровень образования, который был возможен для мальчиков того времени. Поэтому, прибыв в столицу российскую, Дмитрий не оказался не в удел, а был пристроен с помощью купеческих рекомендаций в лавку одного из предприимчивых торговцев.

Жил Дмитрий на постое в хозяйских хоромах и вскоре, благодаря своей природной смекалке и честолюбивым замыслам, зарекомендовал себя незаменимым работником, умевшим разговаривать вежливо и учтиво с покупателями, доброжелательно и уважительно с хозяином и его семейством. Дмитрий проявлял не свойственный его сословию вкус в одежде и, идя в город, одевался не как приказчик, а как господин. Учитывая, что черты лица его были тонкими, выразительными и нравились женщинам, а приобретенные манеры позволяли общаться с людьми высоких сословий, вскоре молодой человек стал бывать не только в опере, театре, на обедах в купеческих семьях, куда его охотно приглашали как потенциального жениха, но также его было можно видеть и среди молодых людей из дворян с которыми он охотно заводил знакомства. Ему нравились их манеры, образованность и определенное свободомыслие, которое всегда присутствует в кругах молодых, образованных людей.

Одним словом, когда Дмитрию исполнилось 22 года, он был не просто старшим приказчиком и распорядителем в одной из самых больших книжных лавок Санкт-Петербурга, жил в отдельной просторной комнате в центре города, он был еще и успешным заядлым ловеласом. Вместе с компанией

молодых людей его часто можно было видеть на различных вечерах разночинного стиля.

К дамам, в своих многочисленных и коротких романах, он относился легко и непринужденно, не обременял себя какими-либо обязательствами и всегда говорил, что непременно женится на богатой и обязательно красивой дворянке, перейдет на государеву службу, выслужит дворянское звание и будет богат, уважаем и знаменит. Учитывая незаурядную личность Дмитрия, можно предположить, что все бы так и сложилось, если бы не его величество случай.

Однажды в Опере Дмитрий увидел в одной из лож ослепительной красоты молодую женщину, окруженную тремя дамами и сопровождавшими их двумя офицерами.

- Даже не думай, - сказал ему Алексей Куранов, поручик, приятель Дмитрия, служивший в Штабе, сидевший рядом с ним и знавший все любовные наклонности, завидные способности и амурные шалости Дмитрия.

- Это молодая жена графа, генерала Разбросаева. Она даже в свете редко появляется. Больно ревнив генерал. Сейчас он с полками на полевых учениях. Вот Натали и приехала в Оперу в окружении своих родственниц. По-другому нельзя.

- Но представить меня как-то можно? – стал горячо убеждать Дмитрий. – Или одну ее встретить! Дальше я все сделаю сам. В долгу не останусь. С меня - ящик шампанского.

- Ладно, - согласился Алексей. – Моя кузина Мария Граевская знакома с племянником генерала, бывает в их доме, и я тебе кое-что расскажу, но дай слово: я здесь не причем.

Уже после спектакля, не спеша прогуливаясь по гранитной набережной Невы, где уже горели не только газовые, но и первые в России электрические фонари, Алексей рассказывал:

- Летом Натали почти все время живет не в Санкт-Петербурге, а в загородном доме, где полно слуг, нянек и мамок. Туда на карете часа полтора езды, верхом конечно быстрее. В солнечные дни, перед обедом, она ходит купаться на небольшой пруд в их поместье. Ее всегда сопровождает многочисленная, исключительно женская свита.

- Почему только женская?

- В этом и секрет. Натали купается без ничего. В общем, голой.

Уже через два дня Дмитрий был на пруду возле загородного дома графа. День был жарким, солнечным, и он в тени густых зарослей на берегу пруда сидел тихо и незаметно. Женская процессия появилась неожиданно, хотя именно этого момента и ждал Дмитрий. Окруженная говорливыми няньками и тетками с зонтиками, Натали, в белом кружевном платье, подошла совсем рядом к камышам, где прятался Дмитрий, сняла с помощью нянек платье, сорочку, и, оставшись без ничего, шагнула в воду. Этот шаг обнаженной, прекрасной, молодой женщины, решительно направившейся в чистоту озерной глади, совершенно снес голову молодому ловеласу. Он видел не мало обнаженных дам, но, как правило, в их же женских будуарах или в его

апартаментах. Но, на фоне девственной июльской природы, изящная, стройная фигура Натали показалась ему верхом совершенства, а ее непринужденное бесстыдство только усилило его влечение.

Натали плавала, наслаждаясь обволакивающей и ласкающей ее тело прохладой воды, беспечно улыбаясь пению птиц и щебетанию теток на берегу. Она смирилась с расписанной до мелочей жизнью замужней дамы, когда вышла замуж за статусного генерала. Мужа ей выбирал ее отец, еще более знатный дворянин, служивший при дворе и убедивший ее выйти замуж за генерала Разбросаева. Якобы сделать это надо было во имя их рода, чистоты крови и чуть ли ни ради отечества.

Натали была единственной дочерью в семье, она получила прекрасное образование в духе того времени, но, даже выйдя замуж, оставалась этакой романтической девушкой с мечтами и грезами, о которых даже лучшим подругам рассказать нельзя.

Ее любили родители, оберегали от всех невзгод, да и в новой семье ее приняли как родную, позволяя некоторые капризы, как например, купание в редкие жаркие дни.

Затаив дыхание, Дмитрий наблюдал, как Натали одевали няньки и как она закрытая со всех сторон от солнца зонтиками, неторопливо удалялась от пруда.

Вечером, дома, Дмитрий сидел на диване, отказался от ужина, и вдруг понял: ему сегодня не уснуть. Впервые в жизни он осознал, что не уснет из-за женщины, не в объятиях страсти, а в думах и мечтах о прекрасной даме, покорившей его сердце. План созрел мгновенно, осенив его своей безрассудностью, но в этом и была основа его бесшабашной идеи.

Утром, на службе, хозяин, Кирилл Афанасьевич, спросил своего управляющего: чем он так опечален. Не случилось ли чего с родными в деревне? Дмитрий рассказал, что видел в опере молодую жену генерала Разбросаева и был поражен ее красотой.

- Да ты, я смотрю, мечтатель! Не про тебя честь!

- Это почему же?

- Да потому, что на такого как ты, она и не посмотрит. Да и замужем она. По христианским законам большой грех мужу изменить.

- Это почему же не посмотри? А если посмотрит? Давай на спор!

- Давай, - тоже разгорячился Кирилл Афанасьевич, - Где это видано, чтобы дворянка с простолудином связалась?! Добьешься свидания с госпожой – забирай лавку. Отдам. А если нет, год без жалованья работать будешь. За еду. Вишь, что надумал. Я тебя образумлю!

Книжная лавка была не единственным доходом именитого купца, но стоила больших денег. Оба это знали. А потому спор был нешуточный, настоящий. Они ударили по рукам, и каждый занялся своим делом.

Вечером Дмитрий еще и еще раз прокручивал детали своего плана. Отступить было некуда.

Через день, он верхом приехал к поместью графа, привязал поодаль коня и стал ждать процессию на пруд. Но он уже не прятался в зарослях, а

находился в паре сотен метров от пруда, где обычно купалась графиня. Как только Натали отплыла подальше от берега, Дмитрий побежал к месту, где стояли мамки и няньки и громко закричал: «Пожар! Пожар! Господский дом горит, полыхает! Все горит!»

Няньки и мамки, приподняв свои юбки, с криками и шумом тотчас убежали к дому графа. Натали неожиданно оставленная своей свитой, растерянно смотрела им в след и тут она увидела Дмитрия.

- Что случилось? Кто Вы? – обеспокоено спросила она.

- Простите меня, Наталья Андреевна. Это я отослал Ваших нянек и девок.

- Зачем?

- Мне нужно с Вами объясниться. Я влюблен в Вас и не могу более молчать об этом.

Немного успокоенная таким оборотом, но все еще рассерженная Натали улыбнулась снисходительно.

- Да позвольте же мне одеться. Отойдите в сторону.

- Да, конечно. Ваше платье.

Пока Натали раздосадованная и обескураженная одевалась, Дмитрий, стоя за кустами, декламировал стихи. Голос у него был поставленный (в юности пел в церковном хоре), стихи он знал, любил их читать, а потому получилось все экспромтом, но мило и романтично.

Дмитрий представился, рассказал, где он впервые увидел Натали и протянул ей новую, только что привезенную из Парижа книгу модного светского писателя.

Молодой человек неожиданно предстал в глазах графини не в виде бесцеремонного нахала, а как влюбленный романтик, герой ее книг, грез и мечтаний.

- Разве Вы, Дмитрий, не могли использовать другие, более привычные способы для знакомства с дамой? – Натали все еще испытывала неловкость и смущение.

- Я хотел, я интересовался. Но Вы живете замкнуто, редко бываете в свете. Мне сказали, что представить меня Вам – это просто невозможно.

- Люди нашего круга склонны к преувеличению. А Вы действительно любите читать и знаете русских и европейских авторов? Сейчас так много новых имен в поэзии и литературе. Что скажете о стихах святейшего князя? Представляете, член императорской семьи пишет лирические стихи. – Натали говорила беспрестанно, стараясь оправиться от смущения. Через несколько минут их разговора графиня встрепенулась:

- Мы не можем долго здесь находиться. Сейчас вернутся мои нянечки, и будет скандал. Уходите, Дмитрий. Нет, подождите! У Вас есть знакомые, которые представлены нашей семье?

- Да. Мария Граевская.

- Мы по четвергам принимаем. Передайте Марии, что она приглашена с Вами.

Дальнейшие события развивались стремительно, по классической схеме: взаимный интерес молодых людей перерос в увлечение, увлечение в страсть и, спустя несколько недель, они стали любовниками.

Дмитрий был счастлив, все реже бывал на светских мероприятиях и вечерах. Натали вся светилась, была весела и приветлива с окружающими. Даже к своему суровому мужу она стала относиться не просто уважительно, но даже с какой-то теплотой и нежностью. Генерал, уверовавший, что жена его стала более к нему благосклонной, дарил ей подарки и драгоценности. И всем было хорошо и замечательно. Но долго это длиться не могло.

Как-то неожиданно для Дмитрия, Кирилл Афанасьевич напомнил ему об их споре.

- Я тебе, Дмитрий Павлович, жалованье исправно плачу. А похоже должен ты работать без содержания. Что молчишь? Сказать нечего?

Здесь бы Дмитрию принять простецкий и виноватый вид, объяснить хозяину, что погорячился он тогда, виноват, кается. И Кирилл Афанасьевич, скорее всего, посмеялся бы и простил своего управляющего. Но характер молодого человека не позволил сделать этого.

- Нет, содержание я не зря получаю. И спор я выиграл.

Изумленный купец аж дар речи потерял.

- А чего молчал?

- Так разговора больше на эту тему не было. В общем, лавка должна мне перейти. Уговор дороже денег.

Кириллу Афанасьевичу ничего не оставалось, как согласиться, но он потребовал доказательств.

- Кирилл Афанасьевич, побойтесь Бога! Неужели Вы думаете, что я Вас обманываю? В пятницу, в четыре часа по полудню у нас с графиней свидание у нее в доме. Я в таких случаях незаметно прохожу через сад и черный ход. И видит меня только одна верная служанка.

Дмитрий почему-то сдвинул время назначенного свидания на целых два часа.

- Ладно. Я бумаги подготовлю. Слово свое сдержу, если все так, как ты говоришь.

Кирилл Афанасьевич был человеком старой закалки, слово свое ценил, но вот так по-глупому, на спор отдать лавку! Это было слишком.

В четверг вечером, он написал записку и послал ее с утра нарочным в Штаб, недалеко от адмиралтейства, генералу Разбросаеву, где, как анонимный доброжелатель, сообщал о предстоящем сегодня свидании его жены с любовником.

В этот день Дмитрий в покоях Натали был как никогда нежен и растроган. Признавался в любви, смотрел в глаза и снова, как при первой встрече, читал стихи.

Два часа пролетели незаметно и они уже собирались прощаться, но неожиданно верная служанка Пелагея, единственная знавшая об амурных делах хозяйки, вбежала в комнату и сообщила, что генерал в доме и вот-вот

нагрянет в покои графини. Натали не растерялась. Пригодился богатый запас сюжетов из книжных романов.

- Садись на корточки, пригнись – сказала она любовнику. И как только Дмитрий это сделал, уселась на него, как на стульчик и широким веером юбок накрыла сверху молодого человека.

- А ты, Пелагея, книжку мне подай и сама рядом садись.

Когда генерал вошел в комнату, Натали, подняв голову от книги, спросила его:

- Вы, Владимир Константинович, уже без стука в женские покои входите? Да Вы бледны. Здоровы ли? Не заставляйте нас переживать. А я вот книгу с обеда читаю. Рекомендую Вам. Генерал был несколько смущен.

- Простите, графиня. А где же Ваш гость?

- Какой гость? Вы же знаете, после обеда мое личное время: отдых, прогулки, чтение. Я в эти часы никого не принимаю. Право Вы сегодня странный.

Граф поцеловал жене ручку, попросил прощения за бестактность, вышел из дома, сел в карету и уехал.

Прощаясь с Дмитрием, Натали попросила: «Нам надо быть осторожнее. Увидимся через неделю. Пелагея поможет тебе зайти и уйти незаметно».

Через день Дмитрий спросил Кирилла Афанасьевича о бумагах на лавку.

- Да готовы они почти. Я тебе дарственную оформляю. А как свидание прошло?

- Представляете, генерал приезжал. Но мы его перехитрили.

И Дмитрий рассказал, как он сидел под юбками графини.

- Что теперь, наверное, туда не ногой? Генерал то ведь в Сибири сгноить может.

- Нет, Кирилл Афанасьевич. Охота пуще неволи. Больно мила мне Натали. Не смогу без нее. Через неделю снова у нее буду. Мы так договорились.

В четверг снова купец писал записку и снова нарочным с утра в пятницу послал генералу в Штаб. Он подробно расписал, как жена одурачила генерала и где находился искуситель во время неожиданного визита графа в покои жены. Генерал был озадачен. С одной стороны, он не хотел выглядеть смешно, как в прошлый раз, ведь он не видел причин не доверять жене, с другой стороны, аноним писал убедительно.

В четыре часа по полудню он в сопровождении взвода всадников приехал к своему загородному дому.

- Окружите дом. Никого не выпускать. Все обыскать. Кто найдет постороннего или чужого – награда.

Сам граф вбежал в покои жены. Натали сидела на табуретке и читала. Генерал подошел к ней, схватил, приподнял и стал шарить руками среди ее многочисленных юбок.

- Что Вы делаете, граф?

- Говорите, где он?

- Кто он? Помилуйте! Объяснитесь!

- У Вас есть любовник. И я его найду.

Солдаты обыскали весь дом. Перепуганные слуги прятались по углам, но солдаты, надеясь на награду, каждого волокли к генералу и показывали. Генерал плевался и, наконец, немного успокоившись, снова зашел к Натали. Но графиня не хотела слышать никаких извинений, плакала и грозила все рассказать папеньке.

Обескураженный и рассерженный генерал вынужден был удалиться.

Через день лавка была передана от Кирилла Афанасьевича Дмитрию Павловичу, бумаги все оформлены и уже равные партнеры сидели за бутылкой французского вина.

- Так неужели генерал так ни о чем и не догадался? – спросил Кирилл Афанасьевич.

- Догадался. И еще как! Весь дом солдаты перетрясли. Граф в юбках Натали меня искал. Только я в это время в сундуке, в его кабинете прятался. В сундуке этом он ценные бумаги и деньги хранит. Сколько богатства! Едва я влез. Натали меня купюрами присыпала конечно, но если бы сундук открыли – конец мне.

- А дальше что будешь делать?

- Денег прикоплю. Дом построю. Натали говорит жениться мне надо. Пока не до свиданий будет. Да и она встревожена. Но надо с ней попрощаться на время, как положено. В пятницу через две недели тайком съезжу. Хотел в четверг официально ехать с Граевской к ним, но, чувствую, расстанемся надолго, хочу увидеться тет-а-тет.

В очередном послании генералу Кирилл Афанасьевич подробно описал где находился любовник его жены во время тщательного обыска. И генерал решил раз и навсегда покончить с этой историей. Слух о том, что он устроил обыск в собственном доме уже расходился по светским салонам и ему светила слава рогоносца. Генерал мог стать посмешищем. Поэтому еще накануне он увез из загородного дома сундук с ценным содержимым, оружие, серебро и свой гардероб.

В пятницу после обеда дом был окружен двумя взводами солдат.

- Закройте все входы и выходы. Под окнами поставьте солдат, а теперь пусть вынесут всех животных, собак, кошек. Пусть выходят слуги.

Через единственный оставшийся выход после слуг вышли и все домашние.

- Теперь заколачивайте все окна и двери. И поджигайте дом.

Солдаты побежали исполнять приказ. Натали упала перед мужем на колени.

- Граф, Вы совершите опрометчивый поступок! Но если Вы решили сжечь наш дом – пусть будет так. Прошу об одном: в доме иконостас византийский, привезенный моим отцом из последней компании. Это не военный трофей, а священная церковная реликвия. Церковь нам не простит. И Государь разгневется.

Генерал знал, на что способна церковь, если дать ей повод быть заподозренным в бесовщине и дал команду солдатам:

- Вынесите иконостас.

Четверо солдат тотчас вытащили короб, обставленный древними иконами.

- Ружья наготове! Поджигай! – скомандовал генерал, и дом запылал.

Плачь слуг, нянек и мамок огласил округу.

- Замолчать! – крикнул генерал. – Кто взвизгнет – бить нагайками. Иначе не услышим крик супостата перед тем, как он живьем сгорит.

Сцена, что была сразу после пожара, впечатляла: вокруг пепелища стояли потрясенные люди, кто-то тихо плакал, кто-то крестился, но в большинстве своем стояли молча. А чуть погодя все домашние и слуги как то тихо переезжали в большой дом в Петербурге. Дмитрий же затемно благополучно выбрался из иконостаса и тоже вскоре был у себя в квартире.

Через два дня к нему пришел взволнованный Алексей.

- Дмитрий, тебе бежать надо.

- Зачем? Дом сгорел, никого не нашли. Натали чиста перед мужем. В чем меня могут обвинить?

- Граф оказался хитрее. Он приказал задержать последнего нарочного. Тот вчера на допросе назвал автора записок. Надеюсь, ты понимаешь, что Кирилл Афанасьевич о тебе сразу и все расскажет. Не сегодня, завтра тебя арестуют. По любому поводу. Заставят, например, Кирилла Афанасьевича донести, что ты угрозами забрал у него лавку и сошлют в Сибирь. Бежать надо. Карета под окнами. Возьми самое необходимое. Карету с лошадьми оставь на первом постоялом дворе. Я потом заберу.

Дмитрий осознал всю серьезность своего положения. Раздумывать было некогда. Погрузил вещи в экипаж, собрал две связки книг, наиболее ценных ему, написал доверенность Алексею на управление имуществом.

- На Штаб не пиши. Письма шли только на мой дом, что у Собора. В Петербург не суйся. Генерал не успокоится. А я с лавкой разберусь, и деньги тебе передам, найду способ. Не тужи. Ну и погуляю, малость, за твое здоровье. Чай мне, как посреднику, не пожалеешь.

- Спасибо. Дай Бог свидимся. Кланяйся кухне своей Марии. Вот записка. Пусть когда все успокоится, и Натали снова будет бывать в свете, ей передаст. Не поминай лихом. Отгулял видно я свое.

Друзья обнялись. Через несколько дней Дмитрий был уже в доме своего отца. Родные ахали, рассматривая его сюртуки из дорогого сукна, белые рубашки, кожаные сапоги и башмаки с бантиками. А когда Дмитрий продемонстрировал им большой черный зонт, красивую трость и дорогую шляпу они и вовсе решили, что Дмитрий Павлович – настоящий барин.

Спустя какое-то время Дмитрий женился на девушке из соседней деревни. Алексей деньги, вырученные от продажи книжной лавки или ту часть, что осталась, передал через знакомых купцов Дмитрию Павловичу. На эти деньги Дмитрием и его братьями Иваном и Александром была открыта сапожная мастерская, а потом и школа, где дети обучались не только грамоте, но и ремеслам.

Каждый год зимой, в розвальнях, с ног до головы укутанный в тулупы Дмитрий Павлович уезжал на две недели в губернский город. Что он там делал и зачем ездил он не рассказывал, но известно, что в те годы, в городе открылись женские педагогические курсы, попечителем которых была графиня Наталья Андреевна из Петербурга. Зимой она всегда приезжала почти на месяц из столицы, причем не просто инспектировала новое учебное заведение, а всячески помогала тамошним девушкам – институткам. Дмитрий Павлович возвращался из города всегда с подарками, особенно для женской половины родственников.

Вскоре у Дмитрия и его жены Марины родилась дочка Евгения.

Больших успехов в делах Дмитрий уже не делал. Постепенно всю мастерскую он передал младшему брату Александру, а сам все больше занимался школой. Так и остался он в памяти земляков, щеголем, ходившим в перчатках и тем, что все деревенские жители ждали лета, а Дмитрий Павлович всегда с нетерпением ожидал наступления зимы.

11.09.2015 г.